

Когда Мэри читала этот отрывок, её пальцы слегка дрожали.

Она вспомнила вечно спокойное лицо мисс Уилсон. Тон, с которым та произнесла: «Я заранее знала, что так будет». Руку, которую та в последний момент опустила ей на плечо.

Она заранее знала.

С самого первого дня, когда она ступила на этот путь, она знала, что настанет этот день.

Небо постепенно темнело.

Мэри сидела на полу, вокруг неё было разложено пять или шесть книг. Не зажигая свечу, при свете последнего луча, пробивавшегося сквозь окно, она продолжала читать.

Она читала слова какого-то автора — к тому же мужчины, — написанные свысока:

Рассудок женщины по природе своей уступает мужскому. Её мышление тяготеет к чувственности, лишено системности и не способно к строгим умозаключениям. Посему женщине не подобает глубоко постигать науки, заниматься писательством и участвовать в общественной жизни. Её истинное призвание — служить мужу, воспитывать детей и ведение домашнего хозяйства.

Другой автор выражался мягче, но смысл был примерно тем же:

Женщины не лишены таланта, но талант их заключается в тонкости, чуткости и нежности. Если же заставлять их насильно постигать сложные науки, это всё равно что раскалывать дрова вышивальной иглой: проку никакого, а инструмент испортишь. Женский разум надлежит применять в домашних делах, а не в государственных заботах.

А третий и вовсе скатился к насмешкам:

На днях случайно довелось пролистать роман, сочинённый некой женщиной. Глянул на пару страниц — всюду лишь любовная одержимость и никакого здравого смысла. На большее женская словесность и не способна. К счастью, оные особы не занимаются историей и не лезут в политику, иначе в мире стало бы куда больше заблуждений.

Когда Мэри закрыла эту книгу, её руки дрожали.

Она вспомнила статью, прочитанную в прошлой жизни. Это было много лет спустя — два века спустя. Женщины той эпохи могли учиться, работать, голосовать, писать книги, работать адвокатами, врачами, профессорами. Люди того времени, читая эти строки, изумлялись бы, гневались и говорили: «Какая же ужасная была эпоха».

Но всё, о чём писалось в тех статьях, относилось к разряду «было давным-давно».

Теперь же она сама находилась «давным-давно».

Эти тексты были не историей. Они были реальностью сиюминутной. Живой, происходящей прямо сейчас явью. Будущим, с которым предстояло столкнуться её старшим сёстрам, её младшим сёстрам и ей самой.

Свеча зажглась неизвестно когда.

Мэри подняла голову и увидела, что мистер Беннет стоит в дверях, держа в руке подсвечник и глядя на неё.

На его лице не было ни удивления, ни упрёка. Он просто смотрел на неё, на разложенные по полу книги, на раскрытую посередине книгу «Рассуждение о положении женщин» у неё на коленях.

— Ужин прошёл, — произнёс он.

Мэри не шевельнулась.

Мистер Беннет подошёл, поставил подсвечник на стол и, наклонившись, взглянул на ту страницу, которую она читала.

— Рассудок женщины по природе своей уступает мужскому, — вслух и тихо прочитал он. — Ты читаешь это.

Мэри кивнула.

— Понимаешь?

— Что-то понимаю, — ответила Мэри. — А что-то не очень.

Мистер Беннет немного помолчал, а затем сел напротив неё.

— И как по-твоему, — спросил он, — они правы?

Мэри подняла голову и посмотрела на него.

Свет свечи отбрасывал на его лицо глубокие и мягкие тени, скрывая выражение. Но в этих глазах было что-то, чего она не могла прочитать: не насмешка, не дежурная отговорка — казалось, он спрашивал всерьёз.

Она задумалась.

— Нет, — произнесла она.

— Почему?

— Потому что... — Она замолчала. Потому что она видела мисс Уилсон за чтением лекций? Потому что она читала те книги, где утверждалось, будто «женщинам не подобает углубляться в науки»? Потому что она знала, что случится через двести лет?

Она не могла высказать всё это вслух.

Но всё же заговорила:

— Потому что они не хотят, чтобы женщины учились, и потому утверждают, что женщины не способны учиться. Они не хотят, чтобы у женщин было имущество, и потому твердят, будто у женщин его быть не должно. Они не хотят, чтобы женщины говорили, и потому заявляют, что женщины не могут сказать ничего разумного.

Мистер Беннет смотрел на неё.

Спустя долгое время он чуть заметно кивнул.

— Ты умнее, чем я думал, — промолвил он. — Но от ума нет толка. Вот ты прочла эти слова, запомнила их, и что дальше?

Мэри не ответила.

И что дальше?

Дальше мисс Уилсон всё равно уедет. Дальше Джейн в будущем всё равно выйдет замуж и отдаст мужу всё. Дальше Элизабет, сколь бы ни была умна, не сможет изменить собственную судьбу. А она сама?

Она прочла эти книги, узнала обо всём этом, и что же дальше?

Мистер Беннет поднялся с места и взял подсвечник.

— Поздно уже, ступай спать, — сказал он. — Завтра солнце взойдёт как обычно, и жизнь пойдёт своим чередом. А эти книги... — Он опустил взгляд на гручу бумаг на полу. — Хочешь читать — продолжай. Мне они всё равно ни к чему.

Он дошёл до двери и снова остановился.

— Мэри.

— Мм?

— Некоторые вещи знать куда тяжелее, чем не знать. — Он не поворачивался. — Сама хорошенько подумай об этом.

Дверь закрылась.

Мэри осталась одна в темноте, а книга по-прежнему лежала у неё на коленях.

За окном запел соловей — тонко, издалека.

Она вдруг вспомнила улыбку мисс Уилсон перед отъездом. Эту едва заметную, сложную, которую она так долго не могла разгадать.

Теперь ей казалось, что она поняла её самую малость.

В этой улыбке крылись готовность, ответственность, презрение и усталость. Именно такое выражение появляется на лице человека, который насквозь видел всё это, но всё же решил шагать дальше.

Мэри закрыла книгу и встала.

Ноги затекли от долгого сидения, идти получалось чуть ли не прихрамывая. Она дошла до двери и бросила прощальный взгляд на устилавшую пол стопку раскрытых книг, на эти густо исписанные строки, на ту холодную, жестокую правду, которую люди из далёкого двухвекового

будущего назовут «историей».

Затем она вышла наружу и тихо притворила дверь.

В коридоре было темно. Издалека доносился смех Китти и Лидии, а также требовательный голос миссис Беннет, велевшей им отправляться спать. Из щели под дверью комнаты Джейн пробивался тонкий луч света — она продолжала читать стихи. Комната Элизабет была погружена в тишину, спала ли она — оставалось загадкой.

Опираясь о стену, Мэри медленнообрела к себе.

Она легла в постель, глядя на полог над головой.

Ей исполнилось девять. Она постигла смысл тех книг. Она узнала всю правду об этой эпохе.

И что же дальше?

Она не знала.

За окном заливался соловей. Тонко, издалека, словно задавая вопрос, на который не было ответа.

Мэри закрыла глаза.

Завтра солнце взойдёт снова. Жизнь пойдёт своим чередом.

Она продолжит расти.

Прошел еще один день.

Стояли холода, поля Лонгборна заволокло серой пеленой тумана. Последние высохшие листья в саду цеплялись за ветви, опадая с шуршанием при каждом порыве ветра. Мэри сидела в отцовском кабинете — теперь мистер Беннет молчаливо разрешал ей заходить сюда в любое время, если только она не устраивала беспорядок на его столе и не раскидывала бумаги повсюду. Ему, должно быть, казалось, что позволить третьей дочке коротать время в кабинете куда лучше, чем бегать сломя голову вместе с Китти и Лидией.

Она присела на корточки у самой дальней книжной полки.

Прежде она почти не обращала внимания на этот нижний ярус у самой стены, куда свет почти не проникал: чтобы разобрать названия, приходилось подносить свечу совсем близко. Корешки книг почернели от старости, некоторые стерлись настолько, что надписи исчезли совсем, словно к ним много-много лет никто не прикасался. Слой пыли был толстым, и стоило ей провести пальцем, как на полке остался четкий след.

Мэри доставала книги одну за другой и просматривала их.

О трактате о человеческой природе. О политических фрагментах. О диалогах о естественной религии. Всё это были увесистые фолианты, написанные мужчинами с длинными, не запоминающимися именами. Полистав страницы, она поняла, что густо заполняющие их

строки казались языком из иного мира — не то чтобы их нельзя было понять, просто читать дальше не хватало сил. Каждое предложение твердило ей одно и то же: этот мир написан мужчинами, создан для мужчин и повествует исключительно о мужчинах.

В этот момент её палец коснулся тоненькой книги в скромном переплёте.

Она была тоньше остальных, едва ли в половину их толщины. Тёмно-коричневая обложка была лишена узоров и украшений — настолько простая, что казалось недостойной стоять рядом с этими монументальными фолиантами. Название на корешке почти стерлось, едва-едва мерцал под светом свечи тусклый след позолоты.

Она вытащила книгу, поднесла к свече и, прищурившись, вгляделась.

В защиту прав женщины.

Пальцы Мэри замерли.

Это имя было ей знакомо.

В прошлой жизни она читала о нём в какой-то статье в WeChat. Это был основополагающий труд феминизма, а автором являлась Мэри Уолстонкрафт, англичанка из XVIII века, написавшая книгу тогда...

Она раскрыла форзац и бросила взгляд на год издания.

1792-й.

Это было... давным-давно. Ещё до рождения той эпохи, в которой она появилась на свет. Даже раньше рождения мистера Беннета. В те времена только разгоралась Французская революция, Людовик XVI ещё не взошёл на гильотину, вся Европа сотрясалась от потрясений, люди грезили лозунгами свободы, равенства и братства, но никто не вспоминал о второй половине человечества.

Английская женщина в такую пору, среди подобных потрясений, села в одиночестве, разложила бумагу, взяла в руки перо и создала эту книгу.

Мэри поставила свечу на пол, уселась по-турецки и открыла первую страницу.

Бумажные листы пожелтели, края сделались хрупкими и шуршали при перелистывании. Но буквы были чёткими, печать — аккуратной, каждая буква уверенно стояла на своём месте, дожидаясь её чтения.

При нынешнем общественном устройстве женщины превращаются в слабых и жалких созданий потому, что их лишают доступа к разумному образованию...

Её глаза пробежали по строчке за строчкой.

Я глубоко убеждена, что без должного обучения женщин человеческая добродетель никогда не сможет развиваться, ибо истина обязана быть единой для всех...

Я уповаю на то, что женщины откажутся от воспитания, преследующего лишь цель нравиться

окружающим, и зайступятся за развитие собственного разума, став независимыми личностями...

Все эти утверждения о том, что женщина от рождения ниже мужчины — не более чем ложь, выдуманная сильными мира сего ради защиты собственных привилегий...

Мэри читала быстро.

Не потому, что не понимала — напротив, понимала слишком хорошо. Каждое слово словно знало её, каждое предложение говорило за неё, за ту самую девятилетнюю девочку, дрожащую в углу отцовского кабинета над сводами законов.

Она дошла до того места, где Уолстонкрафт спорила с Руссо — тем самым философом, кумиром всей Европы, утверждавшим, будто женщин следует воспитывать ради услаждения мужчин, будто они созданы для покорности, а их умы вовсе не приспособлены к размышлениям.

Господин Руссо заявляет, что женщина от природы создана подчиняться мужчине. Но я спрошу: кем определена эта «природа»? Самой природой или теми мужчинами, что захватили право голоса?

Мэри вспомнила слова из тех учебников. Рассудок женщины по природе своей уступает мужскому. Женщинам не подобает глубоко постигать науки. Эти слова были начертаны на бумаге, отпечатаны в книгах, расставлены на полках, их читали, принимали на веру и передавали из поколения в поколение поколения. Никто не задавался вопросом: кто это сказал? На каком основании?

Но кое-кто всё же спросил.

Сто лет назад кто-то задал этот вопрос.

Она читала дальше — о том, как Уолстонкрафт рассуждала о женской «хитрости», той самой мелкой сообразительности, которую угнетаемые поневоле вынуждены развивать, чтобы выжить в узких щелях между запретами.

Они высмеивают женское лукавство, забывая, что именно оно остаётся единственным оружием после лишения всех законных прав. Лишают их света, а потом пеняют, что они бродят ощупью в тенях.

Мэри легонько провела пальцами по странице. Она вспомнила нервные подсчёты миссис Беннет, переглядывания матерей, собравшихся вместе, их изобретательные уловки по «сбыту» дочерей замуж. То было не лукавство. То было выживание. Умение на ощупь искать путь в тенистом уголке, лишённом солнечных лучей.

Она читала о том, что Уолстонкрафт говорила о браке:

Я мечтаю дожить до того дня, когда женщина станет в браке другом мужа, а не его игрушкой.

Она вспомнила, за кого предстоит выйти замуж Джейн — кто бы ни был этот избранник, лишь

бы он отличался добротой и приличными манерами, Джейн будет любить его со всей мягкостью и проживёт с ним всю жизнь. Но станет ли Джейн «другом» или «игрушкой»? Кому достанется её имущество? Чьим детям она будет принадлежать? Кому будет принадлежать она сама?

Она читала размышления Уолстонкрафт о будущем:

Настанет день, когда люди с изумлением обнаружат, что целой половине человечества когда-то было отказано в праве развивать свой разум лишь по той причине, что они родились женщинами.

Настанет день.

Как долго ждать этого дня?

Сто лет? Двести?

Мэри захлопнула книгу и положила её на колени.

Руки у неё дрожали.

Вовсе не от холода — в кабинете ярко пылал камин, даря приятное тепло, языки пламени потрескивали в очаге. Дело было в другом. Она внезапно осознала, что каждое слово, написанное этой женщиной столетие назад, обращено лично к ней.

Она вспомнила статьи из прошлой жизни, те научно-популярные тексты об истории феминизма, лёгкие, обобщающие фразы: «Мэри Уолстонкрафт, пионер феминизма, автор труда „В защиту прав женщины“, изданного в 1792 году. Она выступала за равные с мужчинами права женщин на образование и считается одной из основательниц западной феминистской мысли».

Тогда она читала об этом точно так же, как о любом другом историческом персонаже. Знала, что существовала такая женщина, знала о написанной ею книге, понимала её важность — не более того. В те годы ей было двадцать два, в её смартфоне имелось множество приложений, позволявших за секунду отыскать любую информацию и прочесть любую книгу. Ей казалось, что «права женщин» — нечто само собой разумеющееся, материал из школьного учебника, строка для заполнения в тесте.

Она ничего не ведала.

Она понятия не имела, что эта книга создавалась в таком гневе. Не подозревала, что за каждым предложением стоял живой человек, подвергавшийся насмешкам, презрению и лишённый прав. Не догадывалась, что за этими «краткими справками об исторических личностях» скрываются бесчисленные ночи, подобные её ночам, сожжённые свечи и бесчисленные мучительные колебания над опущенным и вновь поднятым пером.

Та женщина из прошлого века, как и она сама, видела те насмешливые взгляды. Слышала утверждения о «недостатке женского разума». Читала те «истины» вроде «женщинам не подобает углубляться в науки». Она когда-то сидела в каком-то кабинете, расстилала листы

бумаги, брала в руку перо и слово за словом переносила эти мысли на бумагу.

После неё бесчисленные женщины подхватили её перо.

После неё прошло два века.

После неё жила девочка по имени Чжан Мэри, которая на университетской лекции лениво смахивала её имя на экране смартфона, не задерживаясь ни на секунду.

И вот теперь та девочка по имени Чжан Мэри превратилась в другую Мэри, сидящую в другом кабинете и сжимающую в руках ту же самую книгу.

Огонёк свечи качнулся, отбросив её тень на стену, то увеличивая, то уменьшая её.

Мэри снова раскрыла книгу на предисловии.

Работая над этой книгой, я часто ощущала глубокую скорбь, ибо то, за что я выступаю, должно было быть очевидным фактом. Женщина — человек, существо разумное. Это не нуждается в доказательствах.

Но печально то, что этот мир требует доказательств. Нужны новые и новые книги, новые и новые голоса, поколения криков, чтобы самые простые истины наконец были услышаны.

Если эту книгу прочтут женщины будущего, я хочу, чтобы они знали: вы не первые, кто ощутил гнев, и далеко не последние. Но с каждым новым гневным человеком, с каждым новым голосом этот заветный день становится всё ближе.

Читая эти строки, Мэри вдруг почувствовала, как защипало глаза.

Она подняла руку, потёрла тыльной стороной ладони уголки глаз и продолжила чтение.

Я не ведаю, кто прочтёт эту книгу и как к ней отнесутся. Быть может, кто-то станет смеяться, кто-то проигнорирует её, а кто-то в ярости бросит в огонь. Но мне всё равно.

Для меня важны те женщины, которые страдают сейчас, и те, кто возьмёт эту книгу в руки в грядущем. Я хочу сказать им: вы не одиноки.

Вы не одиноки.

Мэри захлопнула книгу и прижала её к груди.

Она ощутила её вес — такой лёгкий и вместе с тем такой тяжёлый. Лёгкий, как пачка бумаги, и тяжёлый, словно на ней лежала тяжесть целого века. Она почувствовала тепло, исходившее от страниц сквозь одежду — не истинное тепло, лишь тепло её собственного тела, но ей хотелось верить, будто это другая Мэри сквозь толщу времени нежно коснулась её сердца своей рукой.

Огонь в камине весело трещал, разгораясь всё сильнее. Небо за окном уже окончательно стемнело, укутавшись пеленой тумана, скрывшей поля, заросли деревьев — не было видно

ровным счётом ничего. Издалека доносились отголоски шалостей Китти и Лидии и высокий голос миссис Беннет, требовавшей, чтобы они убавили громкость.

Эти звуки казались далёкими.

В комнате царила тишина.

Она сидела на полу, прижимая к себе книгу, не шевелясь.

Долго-долго.

Свеча прогорела почти наполовину, стеарин стекал по её бокам, собираясь лужицей на подставке подсвечника.

Мэри поднялась, ноги слегка онемели. Прижимая к себе фолиант, она подошла к письменному столу и взглянула на пустой стул мистера Беннета. На спинке висело его брошенное на ходу пальто, на столе лежала полупрочитанная книга, а рядом остывала кружка недопитого чая.

Отец не знал, где она. Никто не ведал, где она находится.

Только она и эта книга.

Она опустила взгляд на корешок книги в своих руках, на почти стёршиеся золотые тисненные буквы.

В защиту прав женщины.

Защита девятилетней девочки, дрожащей в углу отцовского кабинета.

Защита женщины из прошлого века, в одиночку поднявшей перо.

Защита всех женщин, которым запрещали гневаться, запрещали подавать голос, запрещали обладать разумом.

Защита тех, кто страдает ныне, и тех, кто прочтёт эти строки впереди.

Мэри внезапно вспомнила улыбку мисс Уилсон перед отъездом.

Эту едва заметную, сложную, которую она долго не могла расшифровать.

В этой улыбке таились готовность, ответственность, пренебрежение и усталость.

Но теперь она знала, что в ней скрывалось нечто ещё.

Она знала, что была не первой.

Она знала, что кто-то уже прошёл этой дорогой.

Она знала, что насмешки и презрение кто-то встретил лицом к лицу, а после изложил на бумаге, оставив тем, кто придёт следом.

Мисс Уилсон знала.

Другая Мэри тоже знала.

Они обе знали.

В ту ночь Мэри легла в постель, положив книгу рядом с подушкой.

Она больше не читала. Просто оставила её там. Время от времени протягивала руку, касаясь корешка, обложки, чуть пожелтевших страниц.

Она закрыла глаза.

Другая Мэри.

<http://bllate.org/book/22034/2290814>